

А. А. Цветкова

ТОЛКОВАНИЕ СНОВ В АССИРИЙСКОЙ КНИГЕ СНОВИДЕНИЙ: НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

Выявляются когнитивные тактики, на основе которых создавались толкования снов в древнем ассирийском памятнике, условно называемом Книга сновидений. Показаны такие установки, как вера в пророческую силу сновидений, ритуальная ориентированность на мужчин, учет полсемии образа и апелляция к символу, актуальность таких языковых механизмов, как метафора, метонимия, прагматические сдвиги, паронимические сближения, замены по антонимическому принципу. Указанные механизмы характеризуются как лежащие в основе образования символических содержательных структур.

This article identifies the cognitive tactics behind the interpretation of dreams in the ancient Assyrian text known as the Dream Book. Its basic characteristics include belief in the prophetic power of dreams, ritual orientation to men, regard for image polysemy and the use of symbols, employment of such mechanisms as metaphor, metonymy, pragmatic shifts, patronymic attraction, replacements based on the antonym principle. These mechanisms are identified as underlying the formation of symbolic content structures.

Ключевые слова: сновидения, ритуальные тексты, древние языки, ассириология, когнитивная лингвистика, метафора, метонимия, прагматика, семантика, паронимазия, символ, образ, антонимия.

Key words: dreams, ritual texts, ancient languages, Assyriology, cognitive linguistics, metaphor, metonymy, pragmatics, semantics, paronomasia, symbol, image, antonymy.

Ассирийский «сонник» относится, по-видимому, к числу наиболее древних сводов подобного рода. Он записан клинописью на глиняных табличках, относящихся примерно к 1-му тысячелетию до н. э. Его пе-

ревод на английский язык и детальный филологический анализ были сделаны ассирологом Института востоковедения при Чикагском университете в США А. Лео Оппенхгеймом в 1956 г. [4]. Структурное, стилевое, функциональное, культурное единство этого «сонника», как кажется, позволяет считать его особым текстом, который можно было бы назвать *Ассирийской книгой сновидений*.

Месопотамская цивилизация верила, что высшие силы (боги) и человек находятся в постоянном диалоге. Одной из форм передачи божественного откровения человеку служили сновидения. Считалось, однако, что в них воля богов выражается не прямо, а в виде символических образов, «знамений». Вследствие этого сновидения требовали внешнего компетентного объяснения, которое фиксировали специальные сборники толкований снов — сонники. Имеющиеся данные показывают, что этот тип ритуальных текстов находился в русле традиции и был распространен достаточно широко [3, с. 227]. Современные же ученые располагают лишь немногочисленными фрагментами таких сонников. Имеющийся ассирийский свод представляет собой лишь реконструкцию, в которой объединяются толкования из разных источников, созданных в достаточно далекие друг от друга эпохи. В связи с этим А. Лео Оппенхейм сделал вывод (как кажется, все-таки не вполне обоснованный) о том, что сновидения как тип предсказаний в Ассирии «не пользовались большой популярностью» [3, с. 227].

Еще одна особенность Ассирийской книги сновидений — ее «нестандартная» по сравнению с более поздними сонниками функциональная направленность. В составе наиболее полного ее фрагмента есть таблички, которые содержат описание заклинаний и ритуалов, направленных на предотвращение событий, предсказанных дурными снами. Одновременно в ней описываются ритуалы, ограждающие человека от зловещих снов. Можно заключить отсюда, что в Ассирии по особому рассматривали соотношение дурного сна, его знаковости и собственно события, знаком которого сон являлся: в дурном сне и знаменуемом им негативном событии виделось некое тождество, и оградить от дурного сна означало, по сути, оградить от негативных событий в реальной жизни. Эта концепция, вероятно, имевшая в месопотамской культуре парадигмальный характер, впоследствии была утеряна и в других культурах не отмечается.

Ассирийская книга сновидений разделена на большие и малые части, определяемые по концептуальным основаниям. Так, есть части, в которых толкуются совершаемые во сне действия, имеющие обычный повседневный характер, — такие как еда, питье, путешествия и т. д. Вместе с тем в соннике рассматриваются и «экзотические» действия, достаточно отчетливо отличающиеся от повседневных и показывающие фантазийность сновидений, нестрогое их соответствие реальной жизни человека. Например, в части, посвященной еде, упоминаются каннибализм и копрофагия, в части, посвященной путешествиям, — сны о восхождении на небеса или нисхождении в подземное царство. По наблюдению А. Лео Оппенхейма, аналогичны по своей «экзотично-

сти» сновидения о полетах или кровосмешении, но приближены к реальности сны о выпадении зубов, ссорах с родственниками, получении даров или переносе предметов.

Семантическая особенность Ассирийской книги сновидений — ее четкая ориентированность на концепты «хорошо» или «плохо» (в темпоральной перспективе они имеют вид «к плохому» (реже — «к хорошему»)). При этом действуют два общих правила. Во-первых, отрицательный член данной оценочной оппозиции устойчиво связывается прагматически с демоническим началом *mukil rêš limutti*, имя которого буквально означает «тот, который предлагает или несет дурное (в жизни)». Во-вторых, каждый приводимый пример сновидения описывается по логической формуле «Если..., то...», являющейся стилевой моделью всей той эпохи. Например: *Если человек во сне делает дверь (кровать, стул, стол, лодку), то демон овладеет им (будет им руководить); Если человек (во сне) работает как скорняк, он потеряет свое богатство; Если человек (во сне) работает как валяльщик — для бедняка это означает, что его несчастья закончатся; Если человек (во сне) делает работу столяра, то его ожидает душевная неразбериха, имущественный убыток* [4, с. 263].

Вместе с тем в Ассирийской книге сновидений отмечаются примеры, в которых сон указывает на некоторое жизненное событие, непосредственно не связанное с оценкой, но тем не менее оцениваемое глубоко ассоциативно. При этом во всех случаях четко просматривается гендерная ориентированность пророческих сновидений на мужчину. Иными словами, Ассирийская книга сновидений была предназначена для мужчин. Ср.: *Если (во сне) он мочится на стенку или рядом с ней, то у него родятся сыновья; Если (во сне) он мочится вблизи молодого тростника, у него не будет сыновей; Если (во сне) он мочится в реку, его ожидает обильный урожай* [4, с. 265].

Некоторые сновидения имеют противоположное (по сути, амбивалентное) толкование. Примеры такого рода связаны с неким инвариантным содержанием, объединяющим оба толкования, и они заслуживают особого внимания при выявлении когнитивных оснований их интерпретации. Ср.: *Если (во сне) он идет в Ниппур, скорбь, благополучие на один год; Если (во сне) он идет в Вавилон, воздыхания, благополучие на один год* [4, с. 267].

Последние примеры показывают еще одну яркую особенность толкования сновидений в Ассирийском «соннике». Это ориентированность на культурную действительность того времени и на соответствующую внеязыковую культурную среду. Так, в сновидениях упоминаются тростник, скорняк, валяльщик, гиена, бобр, лисица, кедр, терпентинное дерево, виноград, фиги, изюм и т.п. Однако особенно отчетливо эту установку демонстрируют сны, в которых упоминаются разные ассирийские города. Ср.: *Если (во сне) он идет в город Хит, он долго проживет в старости, его возможности расширятся; Если (во сне) он идет в город Дур-Мардук (Dûr-Mard-uk), он восстанет против своих неприятелей; Если (во сне) он идет в Гирсу (Girsu), будет радость, не будет беззакония; Если (во сне) он идет в Лагаш (Lagash), он будет ограблен* [4, с. 267].

По наблюдению А. Лео Оппенхейма, Ассирийская книга сновидений вообще организована по групповому принципу. В частности, важную роль в ней играют сновидения, ориентированные на базовые предикатные содержания «он съел», «они дали ему», «он несет/держит».

В первой из упомянутых групп одним из ключевых является концепт «мясо», который в разных контекстных условиях сновидения получает некий дополнительный видовой определитель. Толкование сновидения во многом обусловлено этим определителем. Так, в следующих примерах толкование сновидения определяется тем, мясо какого существа (или какой его части) имеется в виду. Ср.: *Если (во сне) он ест мясо собаки – бунт, невозможность достижения задуманного; Если (во сне) он ест мясо бобра – бунт; Если (во сне) он ест мясо дикого быка, его дни будут долги; Если (во сне) он ест человечесьё мясо, он обретет великое богатство; Если (во сне) он ест мясо своей ноги, его старший сын умрет* [4, с. 270–271].

Аналогичным образом значимость сна определяется съеданием рыбы, утки, ворона и вообще той или иной птицы, различных овощей, фруктов. Ср.: *Если (во сне) он ест яблоко, он постигнет, чего хочет его сердце; Если (во сне) он съел одну виноградину, – радость, но также разбитое сердце* [4, с. 272].

Список съедаемых предметов включает даже самые «несъедобные» – обожженные кирпичи, землю, грязь, песок, битум, асфальт и т. п. Сны, в которых человек (мужчина) съедает такие предметы, обычно имеют негативное толкование, предупреждают о чем-то плохом – разладе с собой, интеллектуальных трудностях, печали.

Группа сновидений, ориентированных на содержательное начало «они дали ему», также имеет множество вариантов, определяемых различными объектами в соответствующей ситуации. При этом принципиально важную роль играет культурно-ассоциативный принцип, определяющий положительное или отрицательное толкование сновидения. И каждая дополнительная деталь в сновидении дополнительно влияет на его интерпретацию. Таковы, например, сны о печати: *Если (во сне) кому-то дали печать, у этого человека родится сын; Если (во сне) кому-то дали печать из красного камня, у этого человека будут сыновья и дочери; Если (во сне) кому-то дали сложно сконструированную печать, у него не будет ни сыновей, ни дочерей; Если (во сне) кому-то дали печать из слоновой кости, он достигнет всего того, что задумало его сердце; Если (во сне) у человека есть печать, а ее забрали, то и сын, и дочь его умрут* [4, с. 267].

Подобным образом сновидец в Ассирийском «соннике» может получать во сне шкатулку, нечто из терпентинного дерева, из кипариса, можжевельника, тополя, пихты или ели, просто ароматическое вещество. Во всех случаях толкование сновидения определяется материалом и в целом тем, что человек получает.

Аналогичная картина разворачивается в группе сновидений, ориентированных на содержательное начало «он несет/держит». В этой группе, однако, наблюдается своеобразный «асимметричный дуализм». С одной стороны, разные предметы, которые «схватывает» сновидец во

сне, могут представлять тождественные или близкие содержания. Так, в следующих примерах ангел-хранитель символически связывается со змеей, лисом, котом. Ср.: *Если (во сне) человек схватил змею, он обретет ангела-хранителя; Если (во сне) человек схватил лиса, а тот вырвался и убежал, это значит, что человек обретет ангела-хранителя, но тот покинет его; Если (во сне) человек схватит кота, он достигнет желаемого, обретет ангела-хранителя* [4, с. 281].

С другой стороны, одни и те же предметы, представляемые в разных предикатных условиях, могут связываться с разными содержаниями. Например, в следующих случаях данное человеку мясо символически представляет разные содержания — в зависимости от того, чье оно: *Если (во сне) кто-то дает человеку свиное мясо — плохое здоровье; Если (во сне) кто-то дает человеку ослиное мясо, он найдет нечто, не принадлежащее ему; Если (во сне) кто-то дает человеку конину, он испытает стыд в суде* [4, с. 278].

Каковы же семантические алгоритмы толкования сновидений в Ассирийской книге сновидений?

В целом они оставляют много вопросов, связанных и с надежностью реконструкции фонологической базы языка, и с надежностью реконструкции рассматриваемых концептуальных образований, и с утратой многих культурных реалий той эпохи. Однако непонятна логика связи непосредственного образа сновидения и того содержания, которое этот образ несет. Непонятно, например, почему в одном случае давать кому-либо известное ему ароматическое вещество означает, что он найдет нечто потерянное [4, с. 277], давать кому-либо неизвестное ему ароматическое вещество означает, что царь заберет у него его собственность [4, с. 277]? Почему в одном случае «давать вино» означает дружеское слово, долгую жизнь [4, с. 279], а в другом — наоборот, жизнь недолгую [4, с. 280]? Почему «давать вино» и «давать воду» может означать одно и то же — долгую жизнь [4, с. 279, 280]? Почему получать во сне что-то сделанное из тополя означает жениться (обрести жену)?

Тем не менее определенные закономерности в этом плане прослеживаются: прежде всего в Ассирийской книге сновидений достаточно четко просматривается принцип учета п о л и с е м и и анализируемых образов — он проявляется в разных контекстных условиях. Так, если человек ходит по *тихой, спокойной воде*, ему предстоит незначительная судебная тяжба или легкая болезнь [4, с. 258]; если человек оказывается в *бурной или большой воде*, его ожидает трудный судебный процесс или опасная болезнь [4, с. 258]; если во сне человек ест рыхлую землю — его ждут неприятности и голод [4, с. 273]; если он ест землю как хлеб — он потеряет должность, его ждут неприятности, сам он поддается судьбе и ослабеет [4, с. 273]. По сути, в Ассирийской книге сновидений учитываются о б р а з н ы е п р о п о з и ц и и с н о в и д е н и й, а не их отдельные образы.

Кроме того, толкование снов в данном памятнике часто основывается на известных законах семантических преобразований или сдвигов в

номинации. В частности, они толкуются на метафорической основе. Таковы следующие примеры: *Если (во сне) кому-то дают колесницу, то у этого человека будут близнецы; Если (во сне) кому-то дают вожжи, его дни будут долгими* [4, с. 279].

В первом случае основанием метафоризации, скорее всего, выступает парность колес у колесницы. Эта черта не просто весьма заметна у ассирийских колесниц — она составляет их главную конструктивную особенность и в силу этого является основанием для дальнейших метафорических переосмыслений. Во втором случае релевантным выступает признак «протяженный», который с одномерной предметной сферы переносится на одномерную же темпоральную сферу (см.: [2, с. 30–31]). Здесь обращение к области-источнику имеет достаточно случайный характер и обусловлено соответствующими культурными реалиями, но выбор в структуре этой области признака для его метафорического переосмысления и применения в системе представлений о мире закономерен. И опять-таки, приложение признака «протяженный» собственно к жизни человека в толковании сновидения оказывается полностью случайным.

Несколько реже сны в Ассирийской книге сновидений толкуются на основе метонимий. В случаях такого рода некий образ представляет содержание, связанное с ним по принципу соположенности в пространстве, времени или в сфере причинно-следственных отношений. Ср.: *Если (во сне) человек многократно поражает цель из лука, он победит своими собственными силами* [4, с. 286]; *Если (во сне) человеку дают печать с его собственным именем, у него будет род и потомство* [4, с. 276]; *Если во сне человеку дают повозку, он добьется задуманного* [4, с. 279].

В первом примере лук и поражение из него некой цели ассоциативно связываются с личной военной победой человека. В толковании же этого сновидения остается ассоциативное содержание «личная победа». Во втором примере представление о собственном имени на печати метонимически связывается с мыслью о тех, кто это имя будет носить (весь род). Таков же и третий пример, в котором *повозка* как рабочее транспортное средство имплицитно рассматривается как условие успеха в работе, а затем — также метонимически — как условие успеха в реализации вообще всех планов человека. Эта логика толкования последнего примером подтверждается другим, близким ему сновидением — ср.: *Если (во сне) человек везет повозку, он достигнет своих сердечных планов* [4, с. 285].

Здесь *повозка* также трактуется в своем важнейшем «культурном» значении — как транспортное средство, обеспечивающее успех в работе. В данном случае успех в работе ассоциативно соотносится с успехом в реализации сердечных планов.

Пожалуй, чаще всего толкование снов в Ассирийской книге сновидений осуществляется с опорой на принцип учета прагматических расширений семантики слов. В этих случаях при толковании сновидения учитывается культурно-ассоциативные содержания,

которые связываются с имеющимися в тексте словами. Например: *Если во сне он ест внутренности животных – умиротворенность* [4, с. 270]; *Если (во сне) он увидит лошадь, он обретет спасителя* [4, с. 275].

В первом примере при толковании сновидения оказывается актуальной прагматическая семантика словосочетания «внутренности животных». В Древнем мире, в том числе и в Ассирии, было широко распространено гадание по внутренностям животных и выступало одним из основных видов мантики. Обращение к жрецам для подобного гадания связывалось со значительными жизненными проблемами, а сами гадания были функционально направлены на снятие таких проблем – «внутреннее умиротворение» человека. Еще более отчетлива прагматическая семантика *лошади* во втором примере: во всех древних обществах (и в Ассирии тоже) лошадь была основным помощником человека и тем самым его спасителем в жизни. Эта идея и была выведена в толкование данного сновидения.

Важную роль в интерпретации снов в данных условиях играет параномазийное сближение ключевых слов в описании самого сна (его метаописании) и слов в его толковании. Например: *Если (во сне) человеку дают дерево mīhru, то у него не будет соперников (māhiru)* [4, с. 277].

В отмеченном случае параномазия имеет анаграмматический характер: сочетание звуков MĪHRU, полностью составляющих первое слово, во втором слове (в толковании) оценивается как преобразование в MaHIRU – в него добавляется A, и IH преобразуется в HI. Эта тенденция, по всей видимости, поддерживается грамматическими и словообразовательными особенностями языка, на котором говорили древние ассирийцы – ср.: *la-li-šú DÙ-uš* он построит дом для своей(его) *la-lû* (первое слово «рождает» из себя второе – LA-Li-šŪ / LA-LŪ); *sar-dat-su* как метатеза *sadrat-su*; *sirrimu* «дикий осел», имевший эпитет (*binût*) *sēri* «существо пустыни» (где параномазийное сближение обеспечивается анаграмматическими сочетаниями SIR / S...RI) и др.

В этих условиях заслуживает внимания еще одна тактика толкования снов – стратегия «от прагматического противного»: ключевой образ в описании сновидения прагматически связывается с обстоятельствами, диаметрально противоположными в прагматической сфере (в том числе и в плане оценки), и именно эти обстоятельства указываются в толковании. Эту тактику хорошо иллюстрирует следующий пример: *Если (во сне) он ест сметки, он насладится обильной едой, его ум обретет покой* [4, с. 274]. *Сметки* – во всех культурах атрибут крайней бедности. В культурном плане *есть сметки* прагматически означает «терпеть крайнюю нужду». Однако в толковании этого сновидения приводятся диаметрально противоположные смыслы: с одной стороны, «обильная еда» составляет концептуальную противоположность нужде, с другой – «покой ума» является метонимическим продолжением достатка и противоположностью обычной для бедности заботы о «хлебе насущном».

Итак, какие же познавательные установки обнаруживает Ассирийская книга сновидений? Прежде всего убежденность в том, что снови-

дения способны раскрыть человеку нечто такое, что в обычных условиях остается для него недоступным. С точки зрения ассирийской культурной парадигмы это «знания богов»; с современной научной точки зрения — это знание будущего (хорошего, но чаще — плохого). В этом плане сны представляют собой предупреждения человеку о грозящих ему неприятностях. При этом толкования имеют отчетливую гендерную закрепленность: создается впечатление, что эта Книга сновидений имела культовый характер и была создана для мужчин.

Общая познавательная особенность Книги сновидений проявляется в том, что сны в ней даются не дискурсивно, а в образах, которые составляют их символический язык. При этом семантика образов жестко связывается с контекстом, зависит от него.

Образы снов раскрывают свою семантику также на основе ряда универсальных преобразований в номинативной или в семантической сферах языка — это метафора, метонимия, прагматический сдвиг, паронимические сближения, замены по антонимическому принципу [1, с. 221 — 229]. Далеко не все толкования в Ассирийской книге сновидений раскрывают с этих позиций свою когнитивную логику. Несомненно, однако, что уже в этом памятнике заложены основы надежной традиции толкования снов, вскрывающие и их собственную семантическую природу, и познавательный потенциал человека.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».

Список литературы

1. Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
2. Берестнев Г. И. Когнитивное освоение времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М., 2012. С. 27 — 33.
3. *Oppenheim A. Leo*. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.
4. *Oppenheim A. Leo*. The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. Philadelphia, 1956.

Об авторе

Анна Андреевна Цветкова — преп., Калининградский государственный технический университет.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

About the author

Anna Tsvetkova, Lecturer, Kaliningrad State Technical University.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru